

Л. В. Балашова
Саратов, Россия**ЭКОНОМИКА РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ**

АННОТАЦИЯ. Автор статьи в семантическом и когнитивном аспектах исследует метафорические контексты с лексемой «экономика», извлеченные из современных СМИ и интернет-ресурсов политической направленности. В работе устанавливаются основные концептуальные модели метафоризации, выявляются наиболее востребованные из них. Анализируется роль концептуальных метафор в репрезентации языковой картины мира, присущей современному российскому политическому дискурсу. В частности, отмечается преобладание наиболее продуктивных языковых моделей метафоризации (пространственной, флористической, антропоморфной, артефактной). Специфической особенностью именно данного объекта исследования становится малочастотность включения лексики «экономика» в реализацию социоморфной, зооморфной и природной метафор, активно используемых в современном русском языке. Подчеркивается, что формирование метафор регулярно связано с контаминацией нескольких моделей, причем этот процесс выполняет определенную концептуальную функцию. Анализ употребления лексики «экономика» в метафорических контекстах показывает, что степень регулярности конкретных концептуальных моделей принципиально не связана с политическими, идеологическими пристрастиями авторов публикаций. Различия мировоззренческого плана отражены в употреблении разных вариантов указанных моделей, в выборе конкретных лексем и включении их в определенную модально-временную рамку. В статье делается вывод о том, что современная российская экономика в политическом дискурсе воспринимается по преимуществу как человек или средство передвижения, перемещающиеся в определенном направлении и достигающие или не достигающие поставленной цели. Достаточно регулярно участники политического дискурса позиционируют экономику России как жизнеспособный или нежизнеспособный биоорганизм, а также как личность в ее интеллектуальном, характерологическом, социальном аспектах, в ее межличностно-социальных отношениях и взаимосвязях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептуальная метафора; модель метафоризации; экономика; политический дискурс.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Балашова Любовь Викторовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, 9; e-mail: sarteorlingv@yandex.ru.

По мнению большинства современных государственных деятелей, политиков, экономистов, социологов, политологов, наиболее значимым для современного развития России становится решение экономических проблем (ср.: [Петербургский Международный экономический форум <http://www.pmi-forum.ru>]). Это не может не отразиться на концептосфере современного российского политического дискурса. Поскольку особую роль в выражении и функционировании концептов играет их метафорическая составляющая [ср.: Аникин, Будаев, Чудинов 2015; Балашова 2010; 2013; Будаев, Курейко 2016; Будаев, Чудинов 2006; Кондратьева, Ковалева 2016; Коцюбинская 2016; Шейгал 2000], нам показалось интересным проанализировать в семантическом и когнитивном аспектах метафорические контексты с лексемой **экономика**, извлеченные из газетного и мультимедийного подкорпусов Национального корпуса русского языка [НКРЯ], современных средств массовой коммуникации и интернет-изданий политической направленности (2013—2017 гг.).

В целом изучение более 600 контекстов подобного рода показало, что авторы публикаций используют наиболее продуктивные модели метафоризации, причем это по преимуществу языковые, часто стертые (генетические и/или генеративные) метафоры (ср.: *Совершенствовать производство и персонал тоже нужно постоянно, независимо от того, происходит рост или паде-*

ние экономики страны [Н. Проценко, Ф. Айрапетян. Сладости по системе Toyota // Эксперт, 2015]). Число живых, индивидуально-авторских речевых переносов и развернутых метафор относительно невелико (менее 10 % от общего числа контекстов), и они, как правило, включены в сферу действия тех же языковых моделей метафоризации (ср.: *Мы хотим разогнать нашу **экономику*** [К. Конохова. В 2017 году в России пройдет Всемирный фестиваль молодежи и студентов // КП, 2014.07.08]; *В нашей **экономике**, даже при ручном управлении, основная доля инвестиций все-таки частная* [коллективный. Мнения // Огонек, 2015]; ... *иллюзорный контур экономики тут же рушится* [А. Оноприенко. Эволюционные тупики социосистемы (2013)]; *Цель — дискредитация коммунистов, советского образа жизни и стремление навязать стране рыночную **экономику** „с нечеловеческим лицом“* [Широкорад 2017]). Главной же концептуально значимой особенностью всех исследуемых метафорических контекстов является то, что они образуют достаточно четко организованную систему.

В частности, наиболее продуктивной в политическом дискурсе, как и в языке в целом, становится **пространственная макромодель**, прежде всего **линейная (горизонтальная или вертикальная) модель** [Балашова 2014б: 111—174], часто совмещаемая с другими продуктивными языковыми моделями (артефактной, флористической, биоморфной, созидательной и деструктивной и др.).

В рамках **вертикальной линейной** модели репрезентируется представление о позитивном или негативном экономическом развитии (преимущественно в количественном измерении): положение выше уровня поверхности земли и увеличение вверх от этой точки ассоциируется с позитивными тенденциями, положение ниже уровня поверхности земли и увеличение вниз от этой точки — с негативными (*Подобное сочетание снижения роста с расширением и углублением кризисов ясно говорит о нарастающей деградации экономики* [П. Быков. Кризису быть, ждем // Эксперт, 2014]). Примечательно, что тот и другой варианты вертикальной модели используются примерно с одинаковой частотой и не зависят от года публикации и политических пристрастий ее автора. Но различия обнаруживаются в контаминации этих вариантов модели с другими моделями метафоризации (например, наиболее экспрессивные способы реализации модели в большей степени представлены в публикациях оппозиционных средств массовой коммуникации и интернет-изданиях; в этих же источниках контексты с позитивной характеристикой экономики России чаще содержат предикаты в ирреальной модальности или в будущем времени).

Так, позитивное развитие экономики преимущественно ассоциируется с развитием, увеличением в длину по вертикали в результате жизненных процессов биоорганизма (прежде всего — растения), и основным средством в реализации этого типа значений становятся члены словообразовательного гнезда (далее — СОГ) **расти** (ср.: — *Состояние институтов и качество их работы могут генерировать только тот рост, который мы наблюдаем. Пока мы не будем эффективно работать, не получится роста экономики, — уверен Алексей Кудрин* [Созаев-Гурьев 2016]; *Китайцы видят, что экономика наша не растет, перспективы туманны* [Верхоянцев 2017]). Флористический компонент в мотивации этого типа переноса может поддерживаться включением в контексты других метафор из поля «Растения» (*«Рост экономики в минимальной мере зависит от простоты регистрации юридических лиц... В России расцвет экономики возможен, когда сменится сама модель экономики», — считает Валерий Тутьихин, партнер John Tiner & Partners* [Фаляхов 2014]).

При указании на негативные тенденции («уменьшаться (о чем-л. измеряемом, исчисляемом)») вертикальная пространственная модель сочетается с другими (пространственной и/или деструктивной) моделями.

С одной стороны, это метафорическое переосмысление перемещения сверху вниз под тяжестью собственного веса любого типа (неодушевленного и одушевленного) субъекта, с другой — это перенос на базе ассоциации экономики с субъектом, утрачивающим устойчивость, теряющим опору в ногах (о человеке, животном), в основе (о свалившемся вертикально стоявшем предмете). При реализации данного варианта модели наиболее регулярно используются члены СОГ **падать** (ср.: *Цены растут, спроса нет, экономика падает, деньги дорогие* [А. Трушин. Пересидим или преодолеем? // Огонек, 2015]; *Отсутствие индикативного планирования, ...которое наблюдалось, по мнению эксперта, в стране около 15 лет, привело к упадку экономики* [Е. Малай. В России вводятся плановые «пятителки» // Известия, 2014.07.02]).

Такого рода переносы практически не содержат экспрессии и даже отчасти подверглись терминологизации. Для усиления прагматической составляющей авторы могут использовать члены других СОГ в рамках указанных концептуальных вариантов моделей, эпитеты при стертых переносах, контексты с развернутыми метафорами и др. (ср.: *Временная заморозка бюджетного правила поможет подстегнуть вялый рост российской экономики* [Ю. Забавина. Бюджетное правило предложили заморозить // РБК Дейли, 2014.06.10]; *Малый бизнес — та почва, на которой должна вырасти экономика* [Д. Яковенко. Корпус стражей институциональной революции // Эксперт 2015]).

Другой регулярный способ усиления экспрессии — контаминация вертикальной модели с другими моделями метафоризации. В частности, при указании на резкое усиление позитивных тенденций в развитии экономики используются артефактная и зоомодель (состояние хозяйства страны ассоциируется с набирающими высоту самолетом или птицей), а на резкое ухудшение — пространственные модели (экономика уподобляется катящемуся с горы камню, круглому предмету с нахождением объекта ниже линии поверхности земли, например, в основании впадин, углублений, водоемов) (ср.: *Экономика пойдет на взлет* [Тегин 2017]; *Тогда апологеты санкционной риторики со стороны США будут говорить, что, мол, санкции сняли, пошли навстречу России, и экономика тут же воспрянула* [Безчастная 2017a]; *Если экономика будет катиться вниз, то банк будет досоздавать резервы* [Е. Метелица, С. Шароян. Заемщики портятся даже у Сбербанка // РБК Дейли, 2014.06.03]; *По данным Минэкономразвития, нашу стра-*

ну ждет рецессия уже в I квартале следующего года, „дна“ экономика может достичь в середине 2015-го [К. Журенков. Покупай или проиграешь // Огонек, 2014]; Глубину дна российской экономики определяют уже пару лет — ежемесячно, тщательно и всякий раз с новым результатом [Сухова 2017]; Скатываться в яму экономика России будет еще долго [Исаев 2017]). Но употребление такого рода переносов в 2013—2017 гг. не так велико, как в первое десятилетие XXI в., причем в нулевые годы вертикальная модель часто совмещалась с моделью гибели артефакта, биоорганизма и т. п. (ср.: Это показывает, что экономика у нас потихоньку сама вылезает из ямы [М. Борисова. Главная проблема России — непредсказуемость власти (2003) // НГ, 2003.05.27]; Назревать он [кризис] начал давно, с прошлого года „черного“ августа, когда экономика России едва не пошла ко дну [В. Левашов. Заговор патриота (2000)]).

Значительно меньше представлены в современном политическом дискурсе нейтральные и экспрессивные контексты, в которых лексема **экономика** включена в каузативные конструкции, т. е. выступает в роли не самостоятельно действующего субъекта, а неодушевленного объекта, которым манипулируют различные силы, воспринимаемые как источники/причины позитивных тенденций в развитии России. Репрезентантами этого варианта вертикальной модели обычно выступают глаголы **поднять**, **поднимать** и их субстантивные дериваты, члены СОГ **держат** (в значении 'не давать упасть'), **тянуть** и т. п. (ср.: Это не только поможет поднять экономику регионов, но и позволит объективно оценивать работу губернаторов [Е. Теслова. Депутаты предлагают списать долги регионов // Известия, 2014.05.28]; Экономику не вытянуть без политических решений [Болдырев 2017]; А в целом экономику в нынешнем году подержит сельское хозяйство [А. Ивантер, А. Клепач. Длинные, эмиссионные, меченые // Эксперт, 2015]; В целом же рост занятости обеспечивается подъемом экономики — лучшего решения мир не придумал [С. Смирнов. Повторим уроки? // Огонек, 2015]; Меры поддержки экономики будут перенесены в программу, которая еще не написана [Безчастная 2017б]).

Следует отметить, что в современном политическом дискурсе в рамках концепции противопоставления вертикальных координат «верх — низ» активно используется особый вариант метафоризации, объединяющий в себе пространственный, созидатель-

но-деструктивный и артефактный компоненты. **Экономика** ассоциируется в нем со зданием, сооружением, которое возводится, стоит, держится на определенном основании и которое может быть подвержено деструкции — под воздействием стихии, усилий человека (ср.: И пока вся экономика строится на государственных деньгах, к реальной экономике она не имеет никакого отношения; Именно сельское хозяйство до сих пор остается фундаментом местной экономики — до 70 %. [П. Скоробогатый. Ингушский стартап // Эксперт, 2015]; Это не только откроет новые возможности для их бизнеса — это укрепит нашу экономику [А. Репик. Успех в «окне возможностей» зависит от шагов государства и бизнеса // Эксперт, 2015]). Примечательно, что в анализируемый период наиболее востребованным оказывается представление об экономике как о полностью разрушенном под влиянием внешних сил здании (преимущественно в оппозиционной прессе), которое начинает отстраиваться вновь социально активными группами лиц и политическими деятелями (обычно в прессе, ориентированной на власть) (ср.: Никаких санкций не нужно, наша экономика рухнет сама [Демура 2015]; Касьянов: Российская экономика рухнет в течение года [Касьянов: Российская экономика рухнет в течение года]; И обрушение контура экономики, иллюзорного в общем-то, разрушает практически автоматически этот межэлитный консенсус... [А. Оноприенко. Эволюционные тупики социосистемы (2013)]; Экономика России рушится угрожающими темпами [Экономика России рушится угрожающими темпами 2015]; Экономика России постепенно переходит к фазе восстановления... [Тегин 2017]; Кудрин: Восстанавливать экономику России нужно уж никак не под идейными знаменами Гайдара [Безчастная 2017в]).

Во многом схожие характеристики присущи реализации в политическом дискурсе **горизонтальной линейной** модели метафоризации. Спецификой данной языковой модели является то, что с ее помощью авторы публикаций обращают внимание в первую очередь на качественные изменения в экономической ситуации в России: движение вперед — позитивные тенденции; движение назад — негативные, статичное положение — стагнация (ср.: Говоря о качестве продукции, мы говорим о движении вперед всей донской экономики [Я. Пасечная. Качество — лучший бренд // Эксперт, 2015]; Раскол в нашем обществе колоссальный, экономика буксует, безработица растет, нищета жуткая [Цветкова 2017]; Все это при мас-

штабах нашей **экономики** находится в пределах погрешности...», — сказал Юденков... „Это топтание на месте. Нам нужны другие темпы роста...“ [Российская экономика пойдет в рост? 2017]; На данный момент российская **экономика** находится на этапе „низкого старта“ [Соколов 2016]). Кроме того, возможности самой модели в репрезентации различных аспектов экономических процессов и ее экспрессивных потенциалов реализуются очень последовательно и разнообразно; например:

- скорость движения ассоциируется со скоростью изменений в экономике России (ср.: *России необходимо внутри себя начать полностью жить своим умом — прежде всего в плане... разгона экономики* [С. Мелентьев. Державность против лимитрофности // Известия, 2014.06.27]; *Когда выдавались кредиты, ...никто не ожидал резкого замедления экономики* [Т. Ширманова, А. Алексеевских. Россияне стали хуже платить сразу по всем кредитам // Известия, 2014.06.05]);

- средства передвижения и отдельные их составляющие — с источниками развития или стагнации, регресса в экономике (ср.: *Предприятия, которые подтверждают высокое качество продукции, ...являются флагманами донской экономики* [Яна Пасечная. Качество — лучший бренд // Эксперт, 2015]; *Ее [пищевой промышленности] развитие необходимо для обеспечения населения качественными и доступными продуктами, но локомотивом экономики она, увы, не станет* [Исаев 2017]; *Плохо то, что эти дотации служат инструментом ручного управления экономиками регионов* [Повестка дня // Эксперт, 2014]; *Нефтегазовые компании — „двигатель изменений“ мировой **экономики*** [Я. Милюкова. Совет Путина бизнесу: думайте о своих выгодах // РБК Дейли, 2014.05.26]);

- траектория движения, пути следования, специальные сооружения для перемещения одушевленных и неодушевленных объектов, их конструктивные особенности, препятствия на пути следования — для конкретизации особенностей в динамике экономической ситуации в стране (ср.: *Курс **экономики** на импортозамещение необходимо прокладывать, начиная с отраслей и компаний, производящих товары первой необходимости* [Я. Пасечная. Качество — лучший бренд // Эксперт, 2015]; — *Весь мир и наша **экономика** втягиваются, если уже не вошли, в новый технологический уровень, совершенно другого качества, — сказал Путин* [Президент пригласил в Россию зарубежных ученых // Известия, 2014.06.23]; *Когда **эко-***

***номика** вышла из рецессии, ...то антикризисный план, который был разработан в конце прошлого года, стал неактуальным* [Бесчастная 20176]; *К тому же ситуация в экономике в рамках действующей экономической парадигмы развития все равно должна была завести российскую экономику в тупик самое позднее к концу 2014 года* [П. Быков. Откуда придет гроза // Эксперт, 2014]; *Чтобы переход к форсированным инвестициям дал наибольший эффект и позволил двинуть экономику вперед, надо подкрепить его более сильными мерами стимулирования экономического роста и устранением барьеров на этом пути* [коллективный. Мнения // Огонек, 2015]; *Основной камень преткновения в экономике между Москвой и Киевом — газовый вопрос — остается нерешенным* [Политический десант в Нормандии... 2014]).

При реализации горизонтальной модели, как и в вертикальной, пространственные концепции обычно совмещаются с артефактной, антропоморфной моделями, что отражается на характере используемых лексических средств их реализации.

В частности, при антропоморфном осмыслении пространственных характеристик наиболее частотным становится использование членов СОГ **идти** с различными модифицирующими префиксами (ср.: *Российская экономика входит в рецессию* [Е. Надоршин, С. Сухова. «Пока это игра, а не тенденция» // Огонек, 2015]; *Российская экономика выйдет из кризиса; Экономика России постепенно переходит к фазе восстановления* [Тегин 2017]; *Словом, в **экономике** отход от „европоцентричности“ вполне оправдан* [Р. Гринберг, А. Трушин. «У нас с Китаем больше конкуренции, чем кооперации» // Огонек, 2015]; *Владимир Мау: „Наша экономика подошла к границе своего потенциала“* [А. Чеботарев. Известный экономист Владимир Мау — о трех кризисах и вызовах России и о том, как низко падет рубль // АиФ, № 46, 2014.12.11]). Кроме того, в каузативных конструкциях, характеризующих воздействие человека на экономику-объект, достаточно регулярно используются члены СОГ **двигать** (ср.: *Экономику двигают вперед только инвестиции, и больше ничего* [коллективный. Мнения // Огонек, 2015]; *Эти люди весьма влиятельны, они продвигают вперед нашу экономику, реально укрепляют отношения между странами* [А. Хазбиев, С. Чернявский. «Они готовы к партнерству» // Эксперт, 2015]; *Борис Титов перечислил, что может сдвинуть экономику* [Вести. Экономика 2016]).

Значительно более разнообразными и

экспрессивными являются средства репрезентации артефактного варианта горизонтальной модели (с возможным подключением к ней и антропоморфной модели). В этом случае **экономика** позиционируется как транспортное средство, движущееся самостоятельно или управляемое человеком (обычно это автомобиль, реже — морское судно или поезд). Примечательно, что наименования самих транспортных средств включаются в контексты достаточно редко. Более типичным становится указание на такое средство через характеристику ситуации в целом и ее отдельных составляющих (ср.: *О том, как быстро поставить экономику... рассказал уполномоченный по защите прав предпринимателей Борис Титов* [Вести. Экономика 2016]; *Это придаст ускорение экономике, надеется он* [И. Григорьева. Сделка «Газпрома» с Китаем придаст ускорение ВВП России уже в следующем году // РБК Дейли, 2014.05.29]).

Для усиления экспрессии авторы публикаций активно привлекают развернутые метафоры (например: — *Наша экономика, как поезд, который едет по рельсам, своим ходом. — Но не знает, куда едет. — Рельсы идут — и он едет. Но это нерегулируемое движение и потихоньку затухающее. В принципе, если под горку, то поезд еще едет. — А на горку уже не заедет. — А что там впереди, вы не очень знаете, надеетесь, что горок нет* [Колебакина 2017]).

Но даже регулярное использование терминологии, характеризующей движение транспортного средства (ср. генетический характер флористических метафор на базе СОГ **расти**), обычно не приводит к снижению экспрессивной составляющей переносов (ср. функционирование в современном политическом дискурсе членов СОГ **тормоз**: *Потом фактор тяжелого рубля опять стал ощущаться как тормоз экономики* [А. Ивантер, В. Мау. Качественный рост с опорой на институты // Эксперт, 2014]; *Экономику тормозят накопившиеся в ней огромные дисбалансы, долги и другие факторы, лежащие вне энергетики* [И. Сечин. Есть ли альтернатива сценарию «50-60»? // Эксперт, 2015]; *Когда в августе-сентябре обнаружится, что экономика тормозится, будут осуществлять очередное ослабление рубля* [М. Амирджян, А. Ермакова. Нефть укрепила рубль // Известия, 2014.06.24]; *Резкое падение цены нефти только усилило процессы торможения экономики* [Е. Огородников. Анабиоз // Эксперт, 2015]; *Последствиями данной ситуации станет сокращение и без того низкой доли малого и*

среднего бизнеса в стране и увеличение теневого сектора, что затормозит развитие экономики [Т. Ширманова. Страховые взносы с предпринимателей выросли в четыре раза // Известия, 2014.05.26]).

Следует отметить, что при использовании других вариантов **артефактной** модели — без пространственной составляющей (концепция экономики как действующего или бездействующего механизма, управляемого или не управляемого извне) — число стертых и экспрессивных метафор примерно одинаково (ср.: *Без нового мышления не работает экономика, ничего не работает* [М. Горбачев, А. Архангельский. «Надо изменить атмосферу» // Огонек, 2015]; *„Малый и средний бизнес может стать драйвером роста для экономики регионов“, — полагает г-н Пахалов* [Е. Обухова. На плаву продержатся, но взлететь не смогут // Эксперт, 2015]; *Он [Кудрин] добавил, что старая модель экономики не работает, и это уже очевидно, но и новая пока не запустилась и даже не до конца сформирована* [Бесчастная 2017в]; *Это свидетельствует о том, что у Президента России нет реальных рычагов управления экономикой* [«Президент не имеет рычагов управления экономикой» 2014]).

Ориентация как на стертые, так и на живые метафоры присуща также реализации других **пространственных** концептуальных моделей («часть — целое», «стабильное положение как состояние покоя — нестабильное положение в пространстве» и др.); характерна для данных моделей и контаминация с другими концептуальными метафорами. Однако количество примеров их употребления в современном политическом дискурсе значительно уступает рассмотренной выше линейной модели.

В частности, в рамках модели **«часть — целое»** (**экономика** воспринимается как некий целостный (природный или рукотворный) объект, который состоит из отдельных частей, членится внешними силами на отдельные части; возможно и противоположное действие — восстановление целостности этого объекта) фиксируются преимущественно стертые языковые метафоры; экспрессия может усиливаться при актуализации деструктивного компонента в семантике используемых лексем, при совмещении пространственной модели с биоморфной (**экономика** — пирог, который можно съесть по частям) и другими (ср.: *Какие слагаемые помогут занять свою нишу в экономике и какие условия должны быть непременно соблюдены?* [Т. Петрова. Слагаемые успеха от Александра Бабанова // Известия, 2014.05.26]; *Такой кусочек, как Россия, его*

сложно ножницами маникюрными вырезать из мировой **экономики** [А. Гришин. Писатель Захар Прилепин: Надо позвонить Порошенко и сказать: «Продай нам Луганск и Донецк» // КП, 2014.06.19]; Судя всему, чиновники сделали всё, чтобы уменьшить активное вмешательство государства в **экономику** [Ситников 2017]; Конечно, бизнес вцепится в освободившиеся ниши, такие лакомые куски экономики появились почти без конкурентов! [Путин призвал бизнес диверсифицировать экономику 2014)].

В другом варианте этой модели, напротив, экономика представляется частью более сложного целого (государства, общества, хозяйства и т. п.), с которой могут осуществляться различные манипуляции (ср.: В результате этих процессов **экономика** оказалась «вырвана» из общества, то есть стала в значительной мере неподконтрольной традиционным механизмам демократического общественного контроля [А. Механик. Униженные и оскорбленные // Эксперт, 2015]).

Регулярно фиксируется также концептуальный вариант, в котором экономика представляется целостным сосудом, который заполняется жидкостью. Обычно таким образом в политическом дискурсе характеризуют процесс инвестирования (ср.: Ожидается, что за счет дополнительных антикризисных бюджетных вливаний в **экономику** объемы закупок вырастут с 23,5 трлн рублей в прошлом году до 28 трлн в ближайшие год-два [А. Лабыкин. Неестественный отбор // Эксперт, 2015]). Тематическая специализация присуща и такому варианту модели, в котором ядерным становится указание на инициированное извне объединение в одно целое нескольких объектов. Подобным образом обычно дается нейтральная или оценочная характеристика развития экономики в зависимости от ряда других (политических, идеологических, финансовых, хозяйственных и др.) факторов (ср.: **Экономика** нашей страны и ее бюджет привязаны к ценам на нефть и газ [Е. Малай. В России вводятся плановые «пятилетки» // Известия, 2014.07.02]; Получается, экономика непосредственно связана с политикой, и демократия вплоть до классовой борьбы — неперемное условие экономического процветания? [И. Прусс, Е. Ясин. Из порочного круга // Знание-сила, 2013]; Ничего феноменального в том, что экономика России привязана к американской валюте, нет [Почему российский рубль привязан к доллару? 2016]).

Подобные характеристики присущи также **антропоморфной макромоде**ли, второй

по востребованности в современном политическом дискурсе. Наиболее последовательно и разнообразно в политическом дискурсе представлена такая разновидность указанной макромоде

ли, в которой **экономика** ассоциируется с человеком как биоорганизмом. Поэтому уровень экономического развития страны воспринимается как его физическое состояние (ср.: Но начали мы беседу с животрепещущего разговора о текущем состоянии экономики [А. Ивантер, А. Клепач. Длинные, эмиссионные, меченые // Эксперт, 2015]; То есть мы не представляем себе реального состояния нашей экономики? [Трушин 2017]; После того как повысится определенность, может улучшиться состояние экономики и потенциал роста рынка [С. Шароян. Продай Burberry, купи Россию // РБК Дейли, 2014.06.19]).

Соответственно позитивные изменения в экономическом развитии ассоциируются с рождением, с физическим укреплением организма, его выздоровлением после болезни, что может получать отражение во внешнем виде; негативные тенденции — с физической слабостью, физической неполноценностью, с болезнью и болезненными ощущениями, в крайнем случае — со смертью. Чрезвычайно разнообразны и средства выражения этого типа метафорических значений, например:

- Основными индикаторами самочувствия экономики неожиданно стали инфляция и валютный курс [Д. Яковенко. Корпус стражей институциональной революции // Эксперт, 2015]; Дело не в Евкурове, а в нехватке ресурсов для саморазвития экономики [Е. Теслова. В Ингушетии боевики пытались выкрасть из морга тело своего главаря // Известия, 2014.06.09]; Несмотря на оптимистичные прогнозы чиновников, обещающих оживление экономики, ...большинство россиян предпочитают «обустраиваться» в негативной реальности [С. Сухова. Обживая дно // Огонек, №5, 2017.06.02]; <Предполагаемые меры> надолго отложили бы посткризисное выздоровление экономики [Повестка дня // Эксперт, 2015]; Монаполия будет обязана предоставить технические документы, доказывающие... привлекательность экономики ее разработки для осуществления поставок газа в Китай [Л. Подобедова. ФАС проверит «Силу Сибири» // Известия, 2014.07.02];

- Российская **экономика** в ее нынешнем ослабленном состоянии и нестабильные условия для ведения бизнеса не смогут привлечь в Россию ожидаемых вливаний [П. Козлов. Сенаторы предлагают амнистию

на вывезенный из России капитал // Известия, 2014.06.19]; Это „довольно болезненно“ для российской экономики с учетом ее собственных проблем [Газовый спор России и Украины: Брюссель не помог, впереди Стокгольм? // РИА «Новости», 2014.06.11]; Экономика еще не оправилась от предыдущего кризиса [П. Быков. Инвестиция в «открытое общество» под 10 % годовых // Эксперт, 2015]; И в антикризисном плане... должны быть прописаны не только задачи выживания, но изменения самой структуры экономики [коллективный. Мнения // Огонек, 2015]; Движение курса на этих уровнях не является шоком для экономики, этот курс уже заложен во внутренние цены, и никакой значительной инфляционной проблемы нынешнее движение не создает [Колебакина 2017].

В современном политическом дискурсе явно преобладают контексты, в которых отражены негативные тенденции в экономике России. Подобную картину можно наблюдать в каузативных конструкциях, в которых **экономика** предстает объектом воздействия внешних сил, внешних факторов. Последние осмысляются как неблагоприятные условия жизни, стихийные бедствия, люди, сознательно причиняющие вред здоровью характеризуемого объекта, или, напротив, как лекарственные средства, врачи, защитники, ограждающие объект от негативного воздействия извне. И в данном случае обращает на себя внимание разнообразие используемых лексических средств, причем большую роль среди них играет терминология, прежде всего медицинская, например:

- „Санкции со стороны США и Евросоюза ослабили и так уже замедляющуюся российскую экономику“ [С. Шароян, Т. Алешкина. Списание по-русски // РБК Дейли, 2014.05.19]; Ассоциация стран постсоветского пространства с ЕС может серьезно навредить российской экономике [Т. Байкова. Евроинтеграция Украины ударит по ее же экономике // Известия, 2014.06.29]; В апреле-мае кризис в экономике, первоначально наиболее сильно поразивший торговлю и строительство, стал все больше захватывать промышленное производство [С. Журавлев. Вторая волна рецессии? // Эксперт, 2015; Л. Подобедова. ФАС проверит «Силу Сибири» // Известия, 2014.07.02]; По мнению эксперта, раздача продовольствия вместо наличных денег была бы менее вредна для экономики [Соловьева 2017]; Таким образом „Газпром“... вполне сознательно наносит удар по экономике Крыма [Е. Теслова, М. Самохвалова. «Газпром» отправил отдыхать сотрудников вместо Крыма в Европу // Известия, 2014.06.04]; Экономика действи-

тельно стала жертвой наших „грамотных“ политиков» [коллективный. Неделя. Письма // Огонек, 2015]; Альтернатива нынешнему курсу есть... И не кудринско-грефовская... А выработанная лучшими специалистами-практиками реального (все еще живого, вопреки всем усилиям властей его окончательно добить) сектора нашей экономики [Болдырев 2017]; Такой собирательный диагноз всем бедам российской экономики [Исаев 2017];

- Могут ли рецепты Кудрина реанимировать отечественную экономику? [Безчастная 2017в]; „Новый состав правительства символизирует новый день для страны и новый этап больших усилий последних лет по оздоровлению экономики“, — сказал премьер [Г. Мельник. Новое правительство Греции завершит начатые реформы, уверен премьер // РИА «Новости», 2014.06.10]; Способ защитить нашу экономику был предложен первым вице-премьером Игорем Шуваловым... [Т. Байкова. Евроинтеграция Украины ударит по ее же экономике // Известия, 2014.06.29]; Власти и бизнес подстрахуют российскую экономику поставками ресурсов в страны Азиатско-Тихоокеанского региона [Е. Созаев-Гурьев. Российский ТЭК переориентируют на Восток // Известия, 2014.06.04]; Экономика получает новый импульс, — отмечает собеседник из медийной отрасли [В. Зыков. Запуск второго мультимедиа перенесут на 2019 год // Известия, 2014.06.09]; Чем заменить нефть, чтобы спасти российскую экономику [Исаев 2017].

Отдельные составляющие этой модели могут получать большее развитие, оформляясь в самостоятельный вариант; например, ведущая роль в экономике страны сырьевого сектора осмысляется как наркотическая зависимость (ср.: Российская экономика иногда напоминает мне наркомана, и термин „нефтяная игла“ по отношению к нам крайне справедлив [А. Репик. Успех в «окне возможностей» зависит от шагов государства и бизнеса // Эксперт, 2015]; А пресловутая „нефтяная игла“, которая якобы ввергает российскую экономику в стагнацию, станет отличной подмогой для развития и укрепления других немаловажных отраслей страны (Прелести нефтяной иглы...) [Макеев 2016]; <Иван Преображенский, муж> Они звучат как традиционные пожелания „бороться за все хорошее, против всего плохого“, которые раздает уже не первое поколение российских министров, обещая снять экономику страны с „нефтяной иглы“ [коллективный. Форум: Призрак нового

кризиса в РФ (2013)]; В первом квартале 2016 года нефтегазовая зависимость российской экономики серьезно снизилась, свидетельствуют данные Минфина [Самофалова 2016]).

Среди других вариантов биоморфной модели более или менее регулярно фиксируется концепция удовлетворения физических потребностей: **экономика** осмысливается как человек или животное, которые потребляют в качестве ресурсов и т. п. различные продукты питания (*Регулятор... констатировал наблюдающиеся в изобилии признаки циклического спада, вызванного инерционным „пережевыванием“ экономики изменившихся внешних условий...* [С. Журавлев. Вторая волна рецессии? // Эксперт, 2015]).

Наконец, в современном политическом дискурсе обнаруживаются примеры реализации некоторых других концепций антропоморфной макромодели, но число подобных метафор, как правило, невелико. В частности, в рамках **личностной и социоморфной моделей** встречаются отдельные языковые и индивидуально-авторские переносы, характеризующие **экономику** как человека с некими интеллектуальными, характерологическими признаками, занимающего определенное социально-имущественное положение, вступающего в различные межличностные и социальные отношения (ср.: *Частные инвесторы всё еще осторожничают с непредсказуемой российской экономикой* [Исаев 2017]; *Экономика великой и богатейшей страны на данный момент переживает свои не самые лучшие времена* [Прогноз экономики России на 2017 год. Мнения 2016]; *Политика продолжает властвовать над экономикой* [Ф. Лукьянов. Стабильность ради выживания // Огонек, 2015]; *В этой связи экономика России выигрывает лишь от притока трудовых мигрантов* [А. Погосян. Евразийский экономический союз станет конкурентом ЕС // Известия, 2014.05.30]; *В девяностых рыночную экономику нам строили рыцари экономики плановой...* [О. Туханина. Страна парадоксов // КП, 2014.07.02]; *Но внутри страны финансами и экономикой правит либеральная свора...* [Цветкова 2017]).

Таким образом, можно констатировать, что лексема **экономика** регулярно включается в метафорические контексты в современном российском политическом дискурсе, но это исключительно концептуальные макромодели и частные модели, продуктивные как в языке в целом, так и в политическом дискурсе в частности [ср.: Балашова 2006; 2009; 2016]: пространственная, флористическая, антропоморфная, артефактная. Специфической особенностью именно данного

объекта исследования становится малочастотность включения лексемы **экономика** в реализацию социоморфной, зооморфной и природной метафор, активно используемых в современном русском языке. Кроме того, формирование метафор регулярно связано с контаминацией нескольких моделей, причем этот процесс выполняет концептуальную функцию. В целом современная российская экономика воспринимается по преимуществу как человек или средство передвижения, перемещающиеся в определенном направлении и достигающие или не достигающие поставленной цели. Достаточно регулярно участники политического дискурса позиционируют экономику России как жизнеспособный или нежизнеспособный биоорганизм, а также как личность в ее интеллектуальном, характерологическом, социальном аспектах, в ее личностно-социальных отношениях и взаимосвязях.

ИСТОЧНИКИ

1. Безчастная М. США «подогреют» экономику России // Свободная пресса. 2017а. 24 янв. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/164835/>.
2. Безчастная М. Антикризисный план ужали вчетверо // Свободная пресса. 2017б. 16 янв. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/164362/>.
3. Безчастная М. Россия снова очутилась в застое // Свободная пресса. 2017в. 13 янв. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/164235/>.
4. Болдырев Ю. Экономике не вытянуть без политических решений // Свободная пресса. 2017. 1 февр. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/165437/>.
5. Верхоянцев А. Новый Шёлковый путь буксует на Транссибе // Свободная пресса. 2017. 20 янв. URL: <https://svpressa.ru/economy/article/164621/>.
6. Вести. Экономика. 2016. 14 апр. URL: <http://www.aneews.com/p/44804449/>.
7. Демура С. Никаких санкций не нужно, наша экономика рухнет сама // Youtube. 2015. 22 окт. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qGJxA0PSxJI>.
8. Исаев Н. Меняем автопром на микроэлектронику // Свободная пресса. 2017. 28 янв. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/165192/?cbt=1>.
9. Касьянов: Российская экономика рухнет в течение года // Ино.тв. 2014. 29 сент. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2014-09-29/Kasyanov-Rossiyskaya-ekonomika-ruhnet-v>.
10. Колебакина Е. Наталия Орлова: «Побоялся повысить налоги сразу – будут отрубать хвост по частям» // БИЗНЕС Online. 2017. 14 февр. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/337186>.
11. Макеев Н. Прелести нефтяной иглы: почему России не надо от нее отказываться // МК.ру. 2016. 13 дек. URL: <http://www.mk.ru/economics/2016/12/13/prelesti-neftyany-igly-pochemu-rossii-ne-nado-ot-nee-otkazyvatsya.html>.
12. Национальный корпус русского языка = НКРЯ. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
13. Петербургский Международный экономический форум. URL: <http://www.forumspb.com/ru/2016/sections/62/materials/309>.
14. Политический десант в Нормандии, или Первая встреча Путина и Порошенко // РИА «Новости». 2014. 6 июня. URL: <https://ria.ru/world/20140606/1011045518.html>.
15. Почему российский рубль привязан к доллару? // Новости онлайн.инфо. 2016. 16. нояб. URL: <http://novosti-online.info/493-pochemu-rossiyskiy-rubl-privyazan-k-dollaru.html>.
16. «Президент не имеет рычагов управления экономикой». Экономист Валентин Катасонов о том, почему Владимир Путин вынужден уговаривать бизнес-сообщество заняться диверсификацией // Русская народная линия : информацион-

но-аналитическая служба. 2014. 23 дек. URL: http://russline.ru/news_rl/2014/12/23/prezident_ne_imeet_rychagov_upravleniya_ekonomikoj/.

17. Прогноз экономики России на 2017 год. Мнения // Институт спроса и предложения. 2016. 8 окт. URL: <http://www.sprosipedlozhenie.com/prognoz-ekonomiki-rossii-v-2017-godu/>.

18. Путин призвал бизнес диверсифицировать экономику // РИА «Новости». 2014. 19 дек. URL: <https://ria.ru/economy/20141219/1039260750.html>.

19. Российская экономика пойдет в рост? // Вестник Кавказа. 2017. 10 февр. URL: <http://vestnikavkaza.ru/material/188471>.

20. Самофалова О. Россия слезает с нефтяной иглы // Взгляд. 2016. 15 апр. URL: <http://vz.ru/economy/2016/4/15/805670.html>.

21. Ситников А. Как «распилить» триллион казенных рублей // Свободная пресса. 2017. 22 янв. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/164741/>.

22. Созаев-Гурьев Е. «Сам по себе экономический рост не возобновится» // Известия. 2016. 25 мая. URL: <http://izvestia.ru/news/615390#ixzz4XzALY2og> (дата обращения: 7.02.2017).

23. Соколов И. Как Путин поднимет экономику России в 2018—2024 годах? // New Inform : информационный портал. 2016. 23 мая. URL: <https://newinform.com/13817-finansovyy-geniy-putina-chto-vzorvet-ekonomiku-rossii-v-2018-2024-godah>.

24. Соловьева О. Правительство готовит продуктовые карточки для граждан // Независимая. 2017. 8 февр. URL: http://www.ng.ru/economics/2017-02-08/4_6923_karts.html.

25. Сухова С. Обживая дно // Коммерсант. 2017. 6 февр. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3205837>.

26. Тегин М. Экономика пойдет на взлет // Известия. 2017. 3 февр. URL: <http://izvestia.ru/news/661634#ixzz4XbeIgCIs>.

27. Трушин А. «Руководство страны опирается на ошибочные данные об экономике» // Коммерсант. 2017. 13 февр. URL: <http://kommersant.ru/doc/3211937>.

28. Фалихов Р. Бизнес подвывают к киви // Газета.ру. 2014. 26 янв. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2014/02/24/5925625.shtml>.

29. Цветкова Р. Геннадий Зюганов: Совету безопасности и Путину есть над чем задуматься // Независимая. 2017. 7 февр. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2017-02-07/9_6922_zuganov.html.

30. Широкопад А. Б. Россия постоянно бьют ножом в спину // Независимое военное обозрение. 2017. 3 февр. URL: http://nvo.ng.ru/history/2017-02-03/14_935_russia.html.

31. Экономика России рухнет угрожающими темпами // Euroa.com. Новости Украины и мира. 2015. 20 апр. URL: <https://euroa.com/world/russia/3981-ekonomika-rossii-rushitsya-ugrozhayushchimi-tempami>.

L. V. Balashova
Saratov, Russia

RUSSIA'S ECONOMY IN MODERN POLITICAL DISCOURSE THROUGH THE PRISM OF CONCEPTUAL METAPHOR

ABSTRACT. The author of the article in semantic and cognitive aspects explores metaphorical contexts with the token economy, learned from the modern media and Internet resources political orientation. The work establishes the basic conceptual model of metaphorization, revealed the most popular of them. Examines the role of conceptual metaphors in representing the linguistic picture of the world inherent in modern Russian political discourse. In particular, it is inferred that the most productive linguistic metaphoric models (spatial, floral, anthropomorphic, artifact). Specific feature of this object of study becomes malacologist the inclusion of a token economy in the implementation of sociomorphic, animal and natural metaphors are actively used in the modern Russian language. It is emphasized that the formation of metaphors is regularly associated with the contamination of several models, and the process performs a conceptual function. Analysis of the use of token economy in metaphorical contexts shows that the degree of regularity of specific conceptual models are not fundamentally to do with political and ideological bias of authors of publications. The ideological differences of the plan are reflected in the use of different variants of these models, the choice of specific lexemes and their inclusion in a specific modal-temporal frame. The article concludes that the modern Russian economy in the political discourse is perceived mainly as a person or vehicle moving in a specific direction and reaching or not reaching goals. Quite regularly members of the political discourse have positioned the economy of Russia as a viable or non-viable bioorganisms and as a person in her intellectual, characterological, social aspects, in its interpersonal and social relations and connections.

KEYWORDS: conceptual metaphor; metaphoric model; the economy, political discourse.

ABOUT THE AUTHOR: Balashova Lyubov Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, Saratov National Research State University n.a. N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia.

REFERENCES

1. Bezchastnaya M. SShA «podogreyut» ekonomiku Rossii // Svobodnaya pressa. 2017a. 24 yanv. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/164835/>.
2. Bezchastnaya M. Antikrizisnyy plan uzhal vchetvero // Svobodnaya pressa. 2017b. 16 yanv. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/164362/>.

ЛИТЕРАТУРА

32. Аникин Е. Е., Будаев Э. В., Чудинов А. П. Архетипы и инновации в диахронической динамике метафорических систем в политической коммуникации // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 1. С. 5—12.
33. Балашова Л. В. Идиомы со значением «Власть» в современном российском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2016. Вып. 4 (58). С. 12—21.
34. Балашова Л. В. Концептуализация власти в социоморфной литературной и сленговой метафоре (сопоставительный аспект) // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 2 (32). С. 9—14.
35. Балашова Л. В. Образ России в зеркале концептуальной метафоры (на материале политического телешоу «К барьеру») // Современная политическая коммуникация. — Екатеринбург, 2009. С. 53—56.
36. Балашова Л. В. Общественно-политическая лексика как источник метафоризации внеполитического дискурса // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 20. С. 21—43.
37. Балашова Л. В. Политический 2012 год в зеркале концептуальной метафоры // Политическая лингвистика. 2013. Вып. 2 (44). С. 11—22.
38. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. — М.: Языки славянской культуры, 2014а. 496 с.
39. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI—XXI вв. — М.: Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014б. 632 с.
40. Будаев Э. В., Курейко В. В. Метафорическая репрезентация кризиса на Украине в русскоязычных комментариях новостных порталов // Политическая лингвистика. 2016. Вып. 4 (58). С. 93—99.
41. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 252 с.
42. Кондратьева О. Н., Ковалева К. А. Динамика метафорических моделей в политической коммуникации (на примере выступлений Ю. Тимошенко) // Политическая лингвистика. 2016. Вып. 4 (58). С. 34—48.
43. Коцюбинская Л. В. Метафора «информационная атака» как объект лингвистического исследования // Политическая лингвистика. 2016. Вып. 5 (59). С. 77—82.
44. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — Волгоград : Перемена, 2000. 367 с.

svpressa.ru/economy/article/164621/.

6. Vesti. Ekonomika. 2016. 14 apr. URL: <http://www.anews.com/p/44804449/>.

7. Demura S. Nikakikh sanktsiy ne nuzhno, nasha ekonomika rukhnet sama // Youtube. 2015. 22 okt. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qGJxAPsXJl>.

8. Isaev N. Menyaem avtoprom na mikroelektroniku // Svoobodnaya pressa. 2017. 28 yanv. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/165192?cvt=1>.

9. Kas'yanov: Rossiyskaya ekonomika rukhnet v techenie goda // Ino.tv. 2014. 29 sent. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2014-09-29/Kas'yanov-Rossiyskaya-ekonomika-rukhnet-v>.

10. Kolebakina E. Nataliya Orlova: «Poboyatsya povysit' nalogi srazu – budut otrubat' khvost po chastyam» // BIZNES Online. 2017. 14 febr. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/337186>.

11. Makeev N. Prelesti neftyanoy igly: pochemu Rossii ne nado ot nee otkazyvat'sya // MK.ru. 2016. 13 dek. URL: <http://www.mk.ru/economics/2016/12/13/prelesti-neftyanyoy-igly-pochemu-rossii-ne-nado-ot-nee-otkazyvatsya.html>.

12. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka = NKRYa. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

13. Peterburgskiy Mezhdunarodnyy ekonomicheskii forum. URL: <http://www.forumspb.com/ru/2016/sections/62/materials/309>.

14. Politicheskii desant v Normandii, ili Pervaya vstrecha Putina i Poroshenko // RIA «Novosti». 2014. 6 iyunya. URL: <https://ria.ru/world/20140606/1011045518.html>.

15. Pochemu rossiyskiy rubl' privyazan k dollaru? // Novosti onlayn.info. 2016. 16. noyab. URL: <http://novosti-onlayn.info/493-pochemu-rossiyskiy-rubl-privyazan-k-dollaru.html>.

16. «Prezident ne imeet ryuchagov upravleniya ekonomiko». Ekonomist Valentin Katasonov o tom, pochemu Vladimir Putin vyzhden ugovarivat' biznes-soobshchestvo zanyat'sya diversifikatsiyey // Russkaya narodnaya liniya : informatsionno-analiticheskaya sluzhba. 2014. 23 dek. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2014/12/23/prezident_ne_imeet_ryuchagov upravleniya_e_konomikoj/.

17. Prognoz ekonomiki Rossii na 2017 god. Mneniya // Institut sprosa i predlozheniya. 2016. 8 okt. URL: <http://www.sprospredlozhenie.com/prognoz-ekonomiki-rossii-v-2017-godu/>.

18. Putin prizval biznes diversifitsirovat' ekonomiku // RIA «Novosti». 2014. 19 dek. URL: <https://ria.ru/economy/20141219/1039260750.html>.

19. Rossiyskaya ekonomika poydet v rost? // Vestnik Kavkaza. 2017. 10 febr. URL: <http://vestnikavkaza.ru/material/188471>.

20. Samofalova O. Rossiya slezaet s neftyanoy igly // Vzglyad. 2016. 15 apr. URL: <http://vz.ru/economy/2016/4/15/805670.html>.

21. Sitnikov A. Kak «rasplit'» trillion kazennykh rubley // Svoobodnaya pressa. 2017. 22 yanv. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/164741/>.

22. Sozaev-Gur'ev E. «Sam po sebe ekonomicheskii rost ne vozobnovitsya» // Izvestiya. 2016. 25 maya. URL: <http://izvestia.ru/news/615390#ixzz4XzALY2og> (data obrashcheniya: 7.02.2017).

23. Sokolov I. Kak Putin podnimet ekonomiku Rossii v 2018—2024 godakh? // New Inform : informatsionnyy portal. 2016. 23 maya. URL: <https://newinform.com/13817-finansovyy-geniy-putina-chto-vzorvet-ekonomiku-rossii-v-2018-2024-godah>.

24. Solov'eva O. Pravitel'stvo gotovit produktovye kartochki dlya grazhdan // Nezavisimaya. 2017. 8 febr. URL: http://www.ng.ru/economics/2017-02-08/4_6923_karts.html.

25. Sukhova S. Obzhivaya dno // Kommersant. 2017. 6 febr. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3205837>.

26. Tegin M. Ekonomika poydet na vzlet // Izvestiya. 2017. 3 febr. URL: <http://izvestia.ru/news/661634#ixzz4XbelGCI>.

27. Trushin A. «Rukovodstvo strany opiraetsya na oshibochnye dannye ob ekonomike» // Kommersant. 2017. 13 febr. URL: <http://kommersant.ru/doc/3211937>.

28. Falyakhov R. Biznes podvyezhet k kivi // Gazeta.ru. 2014. 26 yanv. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2014/02/24/5925625.shtml>.

29. Tsvetkova R. Gennadiy Zyuganov: Sovetu bezopasnosti i Putinu est' nad chem zadumat'sya // Nezavisimaya. 2017. 7 febr. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2017-02-07/9_6922_zuga_nov.html.

30. Shirokorad A. B. Rossiyu postoyanno b'yut nozhom v spinu // Nezavisimoe voennoe obozrenie. 2017. 3 febr. URL: http://nvo.ng.ru/history/2017-02-03/14_935_russia.html.

31. Ekonomika Rossii rushitsya ugrozhayushchimi tempami // Euroua.com. Novosti Ukrainy i mira. 2015. 20 apr. URL: <https://euroua.com/world/russia/3981-ekonomika-rossii-rushitsya-ugrozhayushchimi-tempami>.

32. Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P. Arkhetipy i innovatsii v diakhronicheskoy dinamike metaforicheskikh sistem v politicheskoy kommunikatsii // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2015. № 1. S. 5—12.

33. Balashova L. V. Idiomy so znacheniem «Vlast'» v sovremennom rossiyskom politicheskom diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2016. Vyp. 4 (58). S. 12—21.

34. Balashova L. V. Kontseptualizatsiya vlasti v sotsiomorfnoy literaturnoy i slengovoy metafore (sopostavitel'nyy aspekt) // Politicheskaya lingvistika. 2010. Vyp. 2 (32). S. 9—14.

35. Balashova L. V. Obraz Rossii v zerkale kontseptual'noy metafory (na materiale politicheskogo teleshou «K bar'eru») // Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya. — Ekaterinburg, 2009. С. 53—56.

36. Balashova L. V. Obshchestvenno-politicheskaya leksika kak istochnik metaforizatsii vnepoliticheskogo diskursa // Politicheskaya lingvistika. 2006. Vyp. 20. S. 21—43.

37. Balashova L. V. Politicheskii 2012 god v zerkale kontseptual'noy metafory // Politicheskaya lingvistika. 2013. Vyp. 2 (44). S. 11—22.

38. Balashova L. V. Russkaya metafora: proshloe, nastoyashchee, budushchee. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2014a. 496 s.

39. Balashova L. V. Russkaya metaforicheskaya sistema v razvitii: XI—XXI vv. — M. : Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi : Znak, 2014b. 632 s.

40. Budaev E. V., Kureyko V. V. Metaforicheskaya reprezentatsiya krizisa na Ukraine v russkoyazychnykh komentariyakh novostnykh portalov // Politicheskaya lingvistika. 2016. Vyp. 4 (58). S. 93—99.

41. Budaev E. V., Chudinov A. P. Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2006. 252 s.

42. Kondrat'eva O. N., Kovaleva K. A. Dinamika metaforicheskikh modeley v politicheskoy kommunikatsii (na primere vystupleniy Yu. Timoshenko) // Politicheskaya lingvistika. 2016. Vyp. 4 (58). S. 34—48.

43. Kotsyubinskaya L. V. Metafora «informatsionnaya ataka» kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya // Politicheskaya lingvistika. 2016. Vyp. 5 (59). S. 77—82.

44. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa. — Volgograd : Peremena, 2000. 367 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.